как же тогда применить его, например, к уральским рабочим, которые в дооктябрьское время являлись в массе своей собственниками домика, огорода и т. д.?! Главный же недостаток работы Лишева — в том, что господствующий класс феодалов представлен слишком монолитным. Что же касается византийского влияния, то автор, хотя и признает его, все же в том, что касается городского быта и идеологии, показывает его недостаточно. При всем том исследование Лишева следует признать крупным достижением в новейшей литературе по истории средневекового болгарского города.

H. G. Beck. GESCHICHTE DER BYZANTINISCHEN VOLKSLITERATUR. München, 1971, S. XXII + 233

Книга Ханса Георга Бека, руководителя Мюнхенского византиноведческого семинара и редактора журнала «Бюцантинише Цайтшрифт», — по сути дела, первый общий очерк истории византийской народной литературы. Еще в конце прошлого столетия К. Крумбахер в сотрудничестве с А. Эрхардом и Х. Гельцером выпустил «Историю византийской литературы», включавшую и раздел о народной литературе[1]. Сыгравшая в свое время колоссальную роль, книга Крумбахера ныне уже не отвечает уровню современного византиноведения и подлежит замене серией справочных изданий, написанных крупнейшими специалистами[2]. В этой серии вышла и рецензируемая работа.

Книга Бека — солидное справочное пособие. Рассматривая каждый памятник, Бек излагает его содержание, разбирает — если это возможно — проблему авторства и датировки, сообщает сведения о рукописной традиции, приводит список изданий и исследовательских статей. С удовлетворением следует отметить, что работы русских дореволюционных и советских ученых (А. Я. Сыркин, В. Д. Кузьмина, В. С. Шандровская, Р. М. Бартикян, И. В. Абуладзе, Я. Н. Любарский, О. В. Творогов, Т. А. Сумникова и ряд других) постоянно учитываются в библиографии.

Поскольку датировка памятников народной литературы часто весьма затруднительна, автор расчленяет свой предмет на основе двуединого принципа, в котором хронологический критерий сочетается с предметным. Так, во II разделе он выделяет памятники XII—XIII вв., в III — поздневизантийской роман, а в V — басенную литературу. Естественно, что в главах, построенных по «предметному» принципу, хронологическая последовательность не соблюдается. Так, Бек допускает возможность отнесения «Пориколога» к началу XIII в. (стр. 178), однако помещает его не во II разделе, а в V. Он не исключает, далее, что сатира «Рассуждения винного отца Петра Зифомуста» могла возникнуть в XIII (или в XIV) в. (стр. 194), но рассматривает ее среди сатирических памятников XV столетия.

В I разделе Бек описывает народную литературу ранне- и средневизантийского периода.

От ранневизантийского периода памятники народной литературы практически не сохранились, если не считать следов насмешливых песенок (стр. 25—28). В данной связи возникает вопрос, не вправе ли мы причислить к этому типу памятников и «Застолья» Ария — ведь, по словам Филосторгия, Арий сочинял песенки для моряков, мельников и странников [3]. Напротив, представляется крайне спорным отнесение к византийской народной литературе «Жизнеописания Эзопа» [4], древнейшая версия которого возникла еще во II в. н. э., вторая — вскоре после того, а третья, принадлежавшая известному филологу Максиму Плануду (около 1300 г.) (стр. 29), во всяком случае, лежит за рамками средневизантийского периода.

Далее Бек характеризует соотношения разных изводов «Александрии» (стр. 31 и сл.) [5] и «Физиолога» (стр. 33—35) — памятников, занявших важное место и в средне-

---

[1] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897, S. 787—910.

[2] Сюда относятся: *G. Ostrogorsky*. Geschichte des byzantinischen Staates. 3. Aufl. München, 1963; *H. G. Beck*. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, а также две книги, не имеющие соответствия в главах Крумбахера: *F. Dölger, J. Karayannopulos*. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968; *E. Schilbach*. Byzantinische Metrologie. München, 1970.

[3] См. *O. Bardenhewer*. Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. III. Freiburg im B., 1912, S. 41 f. О шуточных песенках времен Алексея I (стр. 27) см. также: *С. Пападимитриу*. Две народные песни у Анны Комниной. — «Летопись Историко-филол. общества Новороссийского университета», II, 1, 1892.

[4] См. о нем: *В. К. Ернштедт* «Речения Эзопа» в Москве и в Дрездене. Пг., 1916. Бек (стр. 31) указывает только более ранние и неполные публикации Ернштедта на эту тему.

[5] Среди изданий «Александрии» отсутствует: *L. Bergson*. Der griechische Alexanderroman. Rezension B. Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1965. Следовало также отметить, что извод А был переиздан в 1958 г. (Historia Alexandri Magni, vol. I: Recensio vetusta. Berolini, 1958).

вековой славянской литературе. Если Бек отмечает наличие славянских и румынской версии «Физиолога» (стр. 34) [6], то о славянской «Александрии» не идет речь ни здесь, ни в III разделе, где рассматриваются собственно византийские романы об Александре — поэтический и прозаический (стр. 133—135). Как известно, А. И. Соболевский даже высказывал мысль, что роман об Александре сложился у южных славян и затем был переведен на греческий, с чем полемизировал В. М. Истрин[7].

Авторство «Повести о Варлааме и Иоасафе» было в последнее время предметом острых дискуссий. Ряд исследователей считал греческого Варлаама переведенным в XI в. с грузинского [8]. Бек решительно выступает против этой точки зрения, полагая, что создателем византийской повести был Иоанн Дамаскин (стр. 35—41).

Далее рассматриваются две нравоучительные повести восточного происхождения, перевод которых на греческий относится к царствованию Алексея I (1081—1118): «Стефанит и Ихнилат», переведенный и на славянский язык, и «Книга Синтипы, философа», т. е. Синдбада, проникшая к славянским народам, согласно Беку, не из Византии, а через западноевропейские переработки (стр. 45—48).

Датировка византийских эпических песен (стр. 48—63) значительно более сложна. Они сохранились лишь в поздних рукописях либо же в новогреческой традиции, и соотнесение их с конкретными фактами византийской истории затруднительно. Бек проявляет в этом вопросе необходимую осторожность и отводит многие смелые идентификации А. Грегуара: так, он считает попытку Грегуара связать «Песнь об Армуре» с падением византийской крепости Аморий в 838 г. проблематичной (стр. 56); он напоминает далее, что цикл песен, посвященный сыну Андроника, известен не ранее XVII в. и крайне смутно отражает историческую реальность (стр. 59 и сл.). Но если это все так, в какой мере основательно помещать эпические песни в I разделе, раньше главы о «Дигенисе Акрите»?

Подробная глава о «Дигенисе» (стр. 63—97) — одна из лучших частей рецензируемой книги [9]. Бек четко выделяет два составных элемента поэмы: «песнь» об эмире и «роман» о Дигенисе. Оба эти произведения связаны лишь внешней канвой (Дигенис — сын эмира Мусура), по существу же они разнородны. «Роман» изобилует морализирующими намеками, от которых «песнь» свободна; «роману» присуща экфраза, тогда как автор «песни» сдержан в описании одежды и оружия своих героев (стр. 79). Наконец, если «песнь» отражает многие конкретные черты исторической действительности, сложившейся на евфратской границе в IX—X вв. (стр. 75), то «роман» лишен «исторического фундамента» и его герой, Дигенис, не является отображением исторического персонажа (стр. 85), хотя, разумеется, кое-какие намеки на реальных лиц могут быть усмотрены и в «романе». В соответствии с этим Бек допускает, что «повесть» об эмире в первоначальном виде создалась незадолго до 944 г. (стр. 78), а «роман» о Дигенисе не содержит датирующего материала (стр. 87); возможно, что он сложился в XI—XII вв. (стр. 96).

Что касается дискуссионного вопроса о социальной природе поэмы [10], то Бек находит в ней отражение умонастроения, свойственного «могущественным семьям восточных районов империи» (стр. 93).

С XII в., полагает Бек, ведет начало византийская народная литература, которую отличает либо автобиографичность, либо критическая направленность и которая являет собой «типичный продукт» деятельности городского общества (Бек выражается даже точнее: общества больших городов), начинающего выражать себя (стр. 101). Сюда он относит так называемые птохопродромовские стихотворения (стр. 101—105), «Спанеа» (стр. 105—108) и «Тюремные стихи» Михаила Глики (стр. 105—109). Атрибуция двух первых памятников спорна. Бек допускает, что автором птохопродромовских стихотворений мог быть Феодор Продром и в таком случае их сюжеты не автобиографичны, однако более вероятным кажется ему предположение, что стихи принадлежат подражателю или нескольким подражателям Продрома (стр. 104). Мне, напротив, этот тезис не представляется убедительным: в самом деле, о каком подражании или

---

[6] Помимо указанной Беком литературы о славянском «Физиологе», см. *M. D. Grmek*. Les sciences dans les manuscrits slaves orientaux du Moyen Age. Paris., 1959, p. 28—30.

[7] См. об этом: *Я. С. Лурье*. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. — В кн.: «Александрия». М.—Л., 1965, стр. 148 и сл. Там и литература о славянской «Александрии». См. еще: *Р Маринковић*. Српска Александрида. Историја основног текста. Београд, 1969 г.

[8] Помимо указанной Беком литературы, см. *Ш. И. Нуцубидзе*. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». — ВВ, XVII, 1960. Возможность заимствования греческого текста из грузинского по лексическим соображениям отвергает эстонский филолог У. Масинг (*U. Masing*. Zur Erklärung der Entstehungsgeschichte der Legende von Barlaam und Joasaph. — «Труды по востоковедению», I. Тарту, 1968).

[9] Одновременно с книгой Бека вышло новое издание «Дигениса» — синоптическое: *E. Trapp*. Digenes Akrites. Wien, 1971.

[10] См. обзор литературы: *Г. М. Бартикян*. Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для арменоведения. Ереван, 1970, стр. 17—21. К сожалению, Бек не останавливается на этой дискуссии и не выражает своего отношения к высказанным в ходе спора точкам зрения.

пародии может идти речь, если птохопродромовские стихотворения по всему отличны от остального наследия Продрома? Чтобы отвергнуть авторство, опирающееся на рукописную традицию [в Paris. 396 (конец XIII—начало XIV в.) стихи прямо приписаны Феодору Продрому, а в тексте, как и в ряде более поздних рукописей, автор именуется Птохопродромом], надо иметь более веские основания [11].

Вопрос об авторстве «Спанеа» еще более запутан. Бек справедливо отвергает старую гипотезу Дж. Шмитта, считавшего автором Алексея Комнина, сына Иоанна II, а адресатом поэмы — сына кесаря Иоанна Рогерия, и отказывается от попыток решить эту проблему (стр. 107) [12].

В том же разделе Бек характеризует и некоторые «трагуди», в том числе песни о Генрихе Фландрском и стихотворный рассказ о Феодоре, жене Юстиниана, помещенный в рукописи Bodl. Barocc. 18 как добавление к хронике Манасси (стр. 110 и сл.). Поскольку Бодлеянская рукопись датируется XIII в., а вместе с тем рассказ о Феодоре был написан позднее хроники Манасси, его отнесение к XIII столетию вполне вероятно; что же касается песен о Генрихе Фландрском, то они не старше начала XIII в., когда жил Генрих, но нет никаких оснований думать, что они не могут быть моложе. При этом трагуди, о которых говорит здесь Бек, ни в коей мере не подходят под его определение народной литературы XII—XIII вв. и никак не могут рассматриваться как самовыражение «общества больших городов» империи.

Подобно главе о «Дигенисе», раздел о поздневизантийском романе — один из интереснейших. Бек различает три типа романов: сказочно-приключенческий, сложившийся на византийской почве; «рыцарский», созданный по западному образцу; и, наконец, псевдороман, или, как говорит сам Бек, «аллегория и морализация в обличье романа». К первой группе он относит «Каллимаха и Хрисорою» [13], «Бельтандра и Хрисанцу» и «Ливистра и Родамну», полемизируя с Ш. Жиделем, видевшим и в этих произведениях также плоды «франкского» влияния (стр. 125 и сл.).

Три указанных произведения, согласно автору, продолжают традицию позднеантичного романа и византийского романа XII в., хотя, как остроумно отмечает Бек (стр. 127 и сл.), принципиальная деконкретизация реалий, свойственная роману XII в., отнюдь не составляет характерной черты «Каллимаха» и родственных произведений, несмотря на то, что поздневизантийский роман — сказочный, а не реалистический, являющийся «бегством из своего времени» и только в этом (негативном) смысле—отражением своего времени [14].

Из трех этих романов наиболее «сказочный» и наиболее оригинальный — «Каллимах и Хрисороя». Его создателем был Андроник Палеолог, племянник императора Михаила VIII (1259—1282); таким образом, роман был написан на рубеже XIII и XIV вв. Два других возникли несколько позже, но, во всяком случае, роман о Ливистре был известен Феодору Мелитиниоту, жившему в конце XIV столетия (стр. 124 и сл).

Несколько особняком стоит византийский роман об Ахилле (стр. 129—132), который не имеет ничего общего, кроме имени, с античным мифом. Он опирается не на позднеантичный роман или роман XII в., но скорее на «Дигениса» или «Александрию».

«Западнический» (рыцарский) роман представлен «Повестью об Аполлонии Тирском» (стр. 135—138), «Флорием и Платцафлорой» (стр. 140—143), «Имберием и Маргароной» (стр. 143—147) и еще несколькими произведениями, восходящими к циклу Круглого стола или Троянской войны [15]. Романы этого рода — переработка известных западных сюжетов, и их действие обычно привязывается или к крестоносным государствам Палестины (повесть об Аполлонии), или к Западному Средиземноморью — Испании (роман о Флории) и Провансу (роман об Имберии).

---

[11] Литература о биографии Продрома может быть расширена. См., например: *M. Kyriakis*. Théodore Prodrome et le milieu intellectuel à Constantinople au XII-e siècle. Paris, 1952; *P. S. Codellas*. The Case of Small-Pox of Theodorus Prodromus. — «Bull. of the History of Medicine», 20, 1946, № 2.

[12] Критика гипотезы Шмитта была дана уже в работе С. Д. Пападимитриу, которую Бек цитирует в другой связи (стр. 108, прим. 1). Русский перевод «Спанеа» см. *П. И. Бракенгеймер*. Alexiu Komnenu Poiema parainetikon в сравнении с русским Домостроем. Одесса, 1893.

[13] О языке этого романа см. также: *А. А. Белецкий*. Наблюдения над языковыми особенностями византийского стихотворного романа о Каллимахе и Хрисоррое.— «VII Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 121 и сл.

[14] В этой связи Бек особенно подчеркивает отсутствие христианских мотивов в романе (стр. 128). Однако сами византийцы видели в любовном романе как раз отражение христианской идеи. См. об этом: *С. В. Полякова*. Из истории греческого романа в Византии. — ВВ, 31, 1971, стр. 244. Именно так понимал «Каллимаха» Мануил Фил, и напрасно Бек столь решительно опровергает его толкование (стр. 124).

[15] О средневековых романах о Троянской войне и их распространении на Руси см. теперь: «Троянские сказания». Л., 1972 (подготовка текста О. В. Творогова, комментарии М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова).

Среди псевдороманов особое внимание привлекает «Песнь о Велисарии» (стр. 150—153), которая, по мнению Бека, занимавшегося ею специально [16], отражает умонастроение в Византии начала XIV в. Прототипом Велисария Бек считает Алексея Филантропина, полководца при Андронике II (1282—1328). Специфическая особенность «Велисария» — отчетливо выраженная социальная направленность, враждебность анонимного писателя к Палеологам и другим знатным родам, как Кантакузины, Ралли, Асаны, Ласкари и Дуки. В докладе на Бухарестском конгрессе Бек еще решительнее, чем в книге, подчеркнул демократический характер «Велисария», назвав его памятником самосознания третьего сословия [17].

Теперь, когда появилась специальная работа Э. Фольери о «Велисарии» [18], надо надеяться, этот памятник привлечет внимание и советских ученых.

IV раздел («Хроники и исторические песни») включает прежде всего греческие хроники, возникшие на занятой крестоносцами территории: «Морейскую хронику» и «Хронику дома Токка», а также «Повесть о сладкой земле Кипр» Леонтия Махеры (стр. 157—161). Кроме того, сюда отнесены плачи, в том числе «Плач о Тамерлане» (стр. 161 и сл.) и плачи о Константинополе (стр. 163—166). Почему-то в этом же разделе рассмотрена и византийская переработка «Илиады», выполненная в XIV в. Константином Эрмониаком (стр. 168 и сл.).

Переходя к басенному творчеству, Бек ставит интересный вопрос о природе сатиры в византийских баснях: было ли поведение птиц и тому подобных существ только отражением человеческих пороков и странностей, или же наблюдение за жизнью животных как таковое давало материал для шутки? Другой вопрос, также поднятый Беком, касается социальной природы басен: хотя они обнажают социальные противоречия, но далеко не всегда это обнажение сопровождается социальной критикой, и жизненный стандарт господствующего класса подчас выступает как единственная ценность (стр. 173). «Пулолог» («Птичья книга») Бек датирует XIV в., допуская даже возможность более ранней даты (стр. 174); «Повесть о четвероногих» относит к XIV в. (стр. 175). Для «Пориколога» («Книга плодов») он допускает даже возможность более ранней даты — начало XIII в., тогда как «Опсаралог» («Рыбья книга») появился после «Пориколога» (стр. 178) [19].

Особняком стоит «Синаксарь почтенного осла» — произведение более позднее (конец XV в.?), где антицерковная сатира выражена особенно остро (стр. 176 и сл.).

Последний раздел, озаглавленный «Переход к новому времени», объединяет поэзию (стр. 183—186) преимущественно послевизантийского периода; религиозную поэзию (стр. 186—192); сатирические произведения, как уже упомянутые «Рассуждения винного отца Петра Зифомуста» или же «Чинопоследование нечестивого козлорожденного скопца» (буквально: «безбородого») — памятник XV в. (стр. 195 и сл.). В этот раздел вошли критские поэты: Леонардо делла Порта (конец XIV в.) (стр. 199 и сл.); Марино Фальери (XV в.) (стр. 197—199) — оба выходцы из венецианских фамилий, писавшие по-гречески, и Стефан Сахликис, автор поэтического рассказа о своей жизни, пронизанного ренессансным жизнеутверждением; он работал, скорее всего, уже во второй половине XV в. (стр. 200—202).

Почему «Синаксарь почтенного осла» рассматривается не в этом разделе, где ему следовало быть и по хронологическому принципу, и по идейной близости к «Чинопоследованию скопца», — мне неясно. Кстати сказать, раскованная игра с богословскими нормами и литургической практикой, распространенная в византийской литературе (в том числе и в так называемой «ученой»), не кажется мне — в отличие от Бека (стр. 195) — совсем свободной от пародирования церковных норм и лексических стереотипов.

В заключение (стр. 203—207) автор затрагивает сонники [20] и гадательные книги [21], оракулы [22], эсхатологические пророчества (в том числе столь важные для славянских

---

[16] См. *H. G. Beck.* Belisarios und die Mauern Konstantinopels. — «Die Welt der Slaven», 5, 1960, H. 3—4; *idem.* Belisar-Philanthropenus. Das Belisar-Lied der Palaiologenzeit. — «Serta Monacensia». Leiden, 1952.

[17] *H. G. Beck.* Die griechische Volksliteratur des 14. Jhs. — «XIV-e Congrès Intern. des études byzantines. Rapports», I. Bucarest, 1971, p. 77.

[18] *E. Follieri.* Il poema bizantina del Belisario. — «La poesia epica e la sua formazione. Accademia Naz. dei Lincei», a. 367, 1970, № 139. Э. Фольери сомневается в обоснованности гипотезы Бека, связывающего этот памятник с XIV столетием.

[19] Русский перевод «Опсаролога» см. *И. А. Шляпкин.* Сказка об Ерше Ершовиче сыне Щетинникове. — ЖМНП, ч. 354, 1904, август. Шляпкин считает сомнительным возведение русской сказки о Ерше к византийскому «Опсаролог», несмотря на наличие некоторых сходных элементов.

[20] См. также: *S. G. Mercati.* Onirocritico lunare secondo i codici Vaticano greco 342 e Berolinese greco 168. — BZ, 32, 1932.

[21] См. еще: *М. Сперанский.* Из истории отреченных книг, 1—3. СПб., 1899—1900.

[22] О так называемых пророчествах Льва VI см. еще: *Ю. А. Яворский.* Византийские сказания о Льве Премудром в русских списках XVII—XVIII веков. СПб., 1909.

литератур «Откровение» Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила), поговорки и пословицы [23].

Таково богатое содержание этой книги. Нам остается теперь, опираясь на собранный Беком материал, выяснить, что, собственно говоря, понимается под византийской народной литературой и в какой мере оправдано вычленение ее из общего круга византийской литературы.

Прежде всего, мне кажется, что Бек понимает свою тему несколько шире, чем следует: в предметном, хронологическом и территориальном отношении. В самом деле, можно ли относить к литературе, т. е. к художественному творчеству, руководства по гаданию на Библии, иатрософические сочинения (стр. 205) или сонники? Конечно, грань между литературой и нелитературными памятниками в средние века проходила иначе, чем ныне: письмо и эпитафия были, бесспорно, литературным жанром; какая-то часть научной прозы тоже могла быть отнесена к литературе. И все-таки эта грань существовала. Существовали и должны быть найдены критерии, позволяющие ее прочертить.

Кстати сказать, не должны ли быть причислены к литературным памятникам некоторые деловые документы? Так, в грамоте второй половины XIII в., подписанной Георгием Скутариотом, рассказывается подлинная новелла о парике Кутуле, у которого сильный человек отнял землю, после чего Кутул бежал к жившим по соседству половцам и с их помощью увел у обидчика пахотную упряжку, заставив его принести вино и пойти на примирение [24].

Стихотворения знаменитого персидского поэта-мистика Джелал ад-дина Руми (1207—1273) и его сына, составленные на трех языках, в том числе и по-гречески (стр. 111 и сл.), конечно, никак не могут быть отнесены к византийской литературе. Спорно, на мой взгляд, и причисление к византийским таких памятников, как «Морейская хроника». Бек и сам признает, что она не представляет византийскую литературу «в узком смысле слова», хотя и отражает «культурно-политическую действительность Греции той эпохи» (стр. 158). Это столь же невизантийский памятник, как и возведенные крестоносцами крепости, — ведь и они тоже отражают культурно-политическую ситуацию во «франкской Элладе».

Наконец, широкое включение греческих памятников второй половины XV и даже XVI в.[25] может, как мне кажется, привести к смещению наших представлений о характере византийской литературы, ибо в греческую литературу этой поры проникали новые тенденции — частично определявшиеся итальянским влиянием. В самом деле, случайно ли, что среди басен именно поздний «Синаксарь почтенного осла» содержит наиболее резкие антицерковные высказывания, и правомерно ли, скажем, видеть в Сахликисе византийского поэта? Ведь даже при самом расширительном понимании византийской живописи кто решился бы включить в нее Эль Греко?

Византийская литература — не совокупность написанного по-гречески в средние века, но словесное художественное творчество населения Византийской империи. Если мы допускаем, что Византия представляла собой не одно политическое имя но и определенную социо-культурную общность, если мы признаем, что ей были присущи собственные социальные, политические, философские проблемы, то, естественно, следует ожидать, что художественное решение этих проблем отмечалось здесь своеобразными чертами. Я хочу сказать, что при определении византийской литературы не языковой критерий представляется наиболее существенным, но критерий принадлежности к территориально и хронологически строго ограниченной сфере.

К. Крумбахер разделил византийскую литературу на три части — богословскую на «чистом» языке, светскую на «чистом» языке и «народную». Эта классификация была не только удержана его преемниками, но и усугублена, поскольку тот материал, который у Крумбахера объединялся в рамках одной книги, теперь распадается на три особых тома: два из них уже написаны Беком, третий подготавливается австрийским византинистом Г. Хунгером. Что же в таком случае понимается под византийской народной литературой?

Прежде всего ясно (и Бек неоднократно это подчеркивает), что народная литература — не есть демократическая или оппозиционная литература, не литература византийских «низов». Достаточно напомнить, что среди авторов поздневизантийского романа был императорский племянник и что происхождение «Спанеа» связывается с царствующим домом.

Бек выделяет два критерия, отличающие, по его мнению, народную литературу от так называемой «ученой», или «чистой»: отрыв от антикизирующей традиции (стр. VIII) и языковое своеобразие (стр. 1, 9). Оба критерия, однако, условны. Сам

---

[23] См. об этом: *А. И. Пападопуло-Керамевс.* Demodeis byzantinai paroimiai. — ЖМНП, ч. 334, 1901, апрель (под тем же названием — в сб.: «Commentationes Nikitianae». СПб., 1901), а также: *И. Тимошенко.* Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897.

[24] MM, IV, p. 167—169.

[25] Попутно встает вопрос о полноте охвата памятников XVI в. в рецензируемой книге. Чем объясняется, в частности, отсутствие упоминания о «Жертвоприношении Авраама», для которого иногда даже допускают византийский прообраз?

Бек обращает внимание на то, что один и тот же автор мог писать на «чистом» и на «народном» языке, например Михаил Глика (стр. VII). Далее, никак нельзя считать «народным» язык «Стефанита и Ихнилата», «Варлаама и Иоасафа», первой (гроттаферратской) версии «Дегениса», Исторической палеи [26] и т. п. В других сочинениях мы встречаем смещение «чистой» лексики с «народными» выражениями: это относится не только к поздневизантийскому роману (см. стр. 128, а также указанную выше работу А. А. Белецкого), но и к не включенным в книгу Бека «Историям» Дуки [27] или Сфрандзи (см. стр. 6).

Еще более сложен вопрос об отношении к античной традиции. Бек допускает воздействие на «народную» литературу эзоповской традиции, Псевдо-Каллисфена, античного романа, однако, по его мнению, эти позднеантичные памятники должны быть строго отделены от классических. Само разграничение такого рода кажется спорным, к тому же некоторые авторы, причисленные к «народным», базируются на классических текстах: так, «Спанеа», использующий Псевдо-Исократову речь к Демонику (стр. 106), куда ближе к античной традиции, нежели другой автор наставительного сочинения — Какавмен; в творчестве Константина Эрмониака (стр. 168) никак нельзя отрицать влияния Гомера — пусть даже не непосредственного.

Суть дела, однако, не в этом. Мы должны задуматься, насколько существенным и определяющим было подражание классическим образцам в «чистой» византийской литературе. Сохраняли ли византийские авторы, используя определенную классическую лексику и стереотипы, античное мировоззрение и античные эстетические принципы? Далее, существует широкий круг памятников «чистой» литературы — от агиографии до хроник Феофана или Никифора, — подвергшихся весьма незначительной антикизации.

Бек отмечает любопытное явление: рукописная традиция классических памятников была скованной, менее свободной, чем традиция позднеантичных произведений, включенных в сферу «народной» литературы (стр. 28). Однако меньшая скованность рукописной традиции, свободное творчество писцов проявляет себя и в таких памятниках, как хроники (например сочинения Георгия Монаха или «Симеона Логофета»), не отнесенных к «народной» литературе. Кстати сказать, эти памятники отнюдь не порабощены античной художественной традицией.

В озорном и остроумном введении Бек, защищая крумбахеровское разделение византийской литературы, говорит, что всякое разделение, сколько бы оно ни было практичным и необходимым, остается произвольным (стр. VIII). Думаю, что в этой фразе больше полемической запальчивости, чем истины. Во всяком случае, разделение не должно препятствовать постижению целого, тогда как обособление народной литературы, по-моему, обедняет наши представления о процессе развития византийской литературы. Позволю себе привести один пример. В соответствии с принципами Крумбахера «Советы и рассказы» Кекавмена оказываются оторванными от книги Синтипы и от «Стефанита и Ихнилата» — вопреки хронологической близости, рукописной традиции и, самое главное, идейной направленности. В самом деле, приглядимся к идейному развитию византийского XI в.: у его порога стоит Симеон Богослов, последовательно отвергающий земные ценности; за ним следует Кекавмен, во многих отношениях родственный Симеону, но отличающийся от него коренным образом уже потому, что ставит вопрос о принципах достойного поведения «в миру», — вопрос, бывший для Симеона бессмысленным. С конца XI в. проблема достойного поведения светского человека заявляет о себе в полный голос — и ответа ищут как в восточной, так и в античной мудрости. При этом решение подчас полностью расходится с мистическим ригоризмом Симеона: напомню хотя бы начало «Стефанита и Ихнилата», где богатство, разумно управляемое, объявляется необходимым условием человеческого счастья [28].

Если мы рассматриваем эти памятники вместе, — перед нами картина напряженной идейной жизни. Если мы отнесем Симеона в книгу о богословской литературе, Кекавмена — в книгу о светской «чистоязычной», а Синтипу, «Стефанита и Ихнилата» и «Спанеа» — к народной, то единство процесса искусственно рассредоточится и исчезнет.

Народная литература — вопреки Крумбахеру и Беку — не есть самостоятельная часть византийской литературы, но появление памятников на «народном» (разговорном) языке — важный факт в истории византийской литературы, нуждающийся в объяснении.

Бек специально останавливается на этом процессе. Он очень хорошо показывает двусторонность движения: с одной стороны, имело место упрощение высокого стиля и в соответствии с этим составление парафраз таких памятников, как исторические сочинения Анны Комниной и Никиты Хониата, с другой — проникновение разговорного языка в «ученую» литературу. Бек высказывает интересную мысль о том, что про-

---

[26] См. о ней также: *М. Н. Сперанский.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

[27] См. *Gy. Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin, 1958, S. 248.

[28] *L. O. Sjöberg.* Stephanites und Ichnelates. Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1962, S. 151 f.

цесс этот начался в Константинополе (стр. 8). Но в чем же заключались причины, открывшие разговорному языку путь в письменность?

Бек усматривает эти причины прежде всего в спонтанном языковом развитии, в окостенении литературного языка, который, естественно, должен смениться «новым» языком (стр. 4), — хотя и не отрицает известного влияния социальных сдвигов на этот процесс. Однако при такой постановке вопроса случайностью оказывается то обстоятельство, что именно в XII в. разговорный язык пробивает себе дорогу в официальную литературу.

Господство мертвого языка в литературе — феномен, типичный не только для Византии. В Западной Европе, в частности, языком раннесредневековой литературы была латынь. И примерно с XII в. начинается здесь процесс проникновения в литературу «национальных», или «разговорных», языков. Процесс этот на Западе протекал интенсивней, чем в Византии, спору нет, — но уже самое хронологическое совпадение обоих движений заставляет задуматься, не сыграл ли социально-культурный фактор бо́льшую роль, чем это кажется Беку. Иначе говоря, тенденция к изменению языка литературы, не была ли она не только модой, угодной Мануилу I (стр. 109), но одним из элементов тех культурных сдвигов, которые совершались в XI—XII вв.? Кстати сказать, появление настоящего интереса к античности как раз совпадает с принятием разговорного языка в литературу, а не противостоит ему.

И последнее замечание. При изучении византийской литературы вообще и «народной» в частности мы, как правило, концентрируем наше внимание на формальной стороне, на внешней характеристике памятников. Художественная специфика и идейное содержание их — изучение этих факторов остается задачей на будущее. Но ведь без них никакая книга о византийской литературе, даже самая добротная, не превратится в историю литературы. Создание истории византийской литературы предполагает, мне кажется, не только расширение и уточнение собранного Крумбахером фактического материала (эта задача прекрасно выполнена Беком), но и серьезного пересмотра крумбахеровских традиций.

А. Каждан